

*Alexander B. Grigorjyev,
PhD,*

*Siberian State Technological University,
Krasnoyarsk*

The Autoreference of Retroductive Metahypothesis

Key words: the retroduction, heuristic question, the self-negativity, dialectical contradiction, unsolvable problem.

Annotation: This article is autoreference of the guess about how it can be. Ontological emergence of a new dialectic and its openness allows to express themselves through the aggravation 1) heuristic to issue a power 2) dialectical contradiction that generates its own 3) resolution, clarifying the limits on their own 4) problem, which can be formulated, but it is impossible to decide within these limits. The article presents a study to answer the question of why an inherent property of a person is not knowledge itself, and the possibility of opening free.

«Ретродукция» – термин, введённый Ч.С.Пирсом для обозначения первоначальной исследовательской стадии, связанной с возникновением догадок и изобретением гипотез. Общепринятый термин «абдукция» вызывал у него сомнения (1) в связи с пониманием того, что в «апагогическом» типе рассуждения из второй силлогистической фигуры аристотелевской «Первой аналитики» речь шла о рефлексивном возвращении к изначальной для познания ситуации мыслящего незнания. Так как открытие нового знания не может быть результатом формально-логического дедуктивного вывода из прежнего, то новая гипотеза, по Пирсу, «должна быть выдвинута вопросительно» (2).

Само предположение о том, что оригинальные догадки впервые могут возникать именно в размерности сомневающегося вопрошания, является второпорядковой рефлексивной догадкой – метагипотезой о том, как возможны сами гипотезы. Однако эта формулировка метагипотезы о вопросительности начала познания находится в конфликте с самой метагипотезой, представляя собой всего лишь повествовательное предложение.

Принципиальное отличие вопроса от повествовательного высказывания состоит в том, что в качестве начала познания вопрос не только не исключает возможность принципиально иных вопрошаний о том же самом, но повышает вероятность возникновения целого множества альтернативных гипотез, чего не скажешь об утвердительном высказывании, сделанном в самом начале.

Исправим данный недостаток формулировки ретродуктивной догадки о возникновении гипотез, продолжив традиции феноменологической философии 20 века и предшествующего ей метафизического вопрошания.

«Как возможен вопрос о возможности?», – разве не нужно дополнить этот вопрос Хайдеггера (3) утверждением Деррида насчёт «возможности вопроса о возможности вопроса» (4) и изогнуть эту утвердительность до окончательного завершения самообращённой вопрошательности: «Как возможен вопрос о возможности вот этого же самого вопроса?»

Должен ли и может ли такой радикальный вопрос, впервые создающий условия возможности возникновения смыслов, обладать хотя бы одним из них? Не следует ли приписать вопросу «неопределённо» в качестве полноценного логического значения? Не оттого ли, что неврождённое умение мыслить должно каждый раз заново создаваться поневоле неумелым образом, вопрошание обязано излагать себя простым говорящим за себя языком на пределах всего возможного и невозможного? Быть может, собственная ценность эвристического вопроса состоит не в выражении им готового смысла, а как раз в том, чтобы вызывать на своём пределе самопричинное действие человеческой свободы, впервые создающей условия возникновения до этого невозможных смыслов, но не способной вместиться ни в один из них? Но если вопрос, как феномен самопричинного действия свободы, настолько явно показывает себя причиной себя самого, то почему нужно и каким образом можно перейти от него к чему-то более определённому? Не следует ли усомниться в кажущейся абсолютности самого вопрошания?

В тексте вопрос кодирует невозможность закодировать себя, показывая собственную невозможность быть результатом действия знаково-логической программы. Ведь речь идёт именно о вопросе, а не о его формализуемом «интеррогативе», которым он, по сути, не отличается от прочих высказываний. Корректное логическое различие вопроса как формы мышления и его собственной интеррогативной, формализуемой части имеется в «эротетической логике» Н. Белнапа и Т. Стила (5).

Вопрос создаёт эффект неопределённости понятий, использованных в его формулировке, превращая их в возобновляющую себя неустойчивую возможность возникновения нового смысла. В этом отношении он создаёт саму неравновесно неопределённую возможность того принципиально нового, которое является ответом, но не может быть формально-логическим следствием понятий, участвовавших в постановке вопроса.

Эвристический вопрос не должен включать в свою формулировку тему, для которой он является основным, так как тема как раз и явилась когда-то самым кратким вариантом ответа, который сам со всей неожиданностью открытия нового встретился со своим вопросом. И если открытие не может быть простым продолжением и логическим следствием всего ранее известного и понятого, то и подлинный вопрос должен обладать соответствующим свойством неожиданности и не предполагать готовым ответ на него (в теме «Человек» это был бы вопрос о природе).

Вопрос – это начало догадки, простейший вариант её же самой. В то же время невозможно непосредственно перейти от эвристического вопроса к ответу, поскольку вопрос размыкает границы знаний во всех направлениях, не указывая на то направление поисков, которое приводит к открытию соответствующего ему решения. Вопрос внутренне неоднороден, разомкнут, но никуда не направлен.

Проблема приобретает свойство разрешимости, когда обостряется до своего предела. Вопрос непосредственно приводит не к ответу, а к той ситуации, которую сам порождает в качестве своего ближайшего иного. Стоит только спросить о том, что такое сам вопрос, и мы придём к самоотрицательности, которая, случившись лишь однажды, будет усиливать степень своей неравновесности, противопоставляя как непрерывности формальной дедукции, так и сохранению собственной неопределённости. Если мы определяем вопрос, то перестаём ему соответствовать, утрачивая его неравновесную неопределённость, а если мы соответствуем вопросу, то не можем дать ему никакого определения, находясь в режиме мыслящего незнания, в котором перестаём знать даже то, что такое вопрос.

Вопрос – условие самой возможности открытия, но повернутый на себя вопрос приводит к началу противоречия как следующей непосредственно за ним более определённой формулировке проблемы. Даже обычная формулировка противоречия, как и будущий ответ, обладает свойством определённости, поскольку состоит минимум из двух равноправных утверждений об одном и том же, но так как эти равноправные утверждения противоположны друг другу в пределах единого отношения, то противоречию присуща та изменчивая неопределённость, которая свойственна ответу. Кроме того, формулировка сущностного противоречия обладает тем преимуществом перед вопросом и ответом, что она определённо указывает направление поисков нового.

Формулировка противоречия как антиномии не высказывает сам ответ, но указывает на то направление поисков, двигаясь по которому мы открываем новый факт, являющийся конкретным синтезом пришедших в обострённый конфликт противоположностей. И если вопрос раскрывает лишь неопределённую возможность возникновения нового, то в ситуации обострённого противоречия нечто новое просто не может не возникнуть.

Проблема становится решаемой, когда эвристический вопрос обостряется до предельной степени диалектического противоречия, которое есть, по сути, процесс усиливающего себя напряжённого совпадения противоположностей (противоположность – наибольшее, в пределах возможного, различие). По своему замыслу, действительное осмысленное противоречие можно выразить ироничным образом вечного двигателя, который ещё более заводится в результате своей работы по усвоению внешней энергии и совершенствуется посредством случайных внутренних беспорядков. Именно так устроено всё живое – расширено самовоспроизводящиеся внутренне неравновесные структуры, эволюционирующие путём незапрограммированных случайных изменений собственных наследственных программ. Способ существования и понимания диалектического противоречия – это не состояние равновесия, а сам возобновляющий себя процесс возникновения всё более совершенных форм его разрешения.

Обострение противоречия и его разрешение – не две стадии, сменяющие друг друга во времени, и даже не две устойчивые стороны единого целого, а одна-единственная сторона одного и того же нелинейного, неравновесно обращённого на себя самоорганизующегося творческого процесса, который по своей риторико-смысловой топологии соответствует не столько «листу Мебиуса», сколько «браслету омбилики Зимана» (6).

Обращение к топологии смысла в данном случае не является чем-то вроде необязательной и произвольной иллюстрации смысла, но представляет собой фигурный синтез единичных догадок, осуществляемый продуктивным воображением, по Канту (7). Топология в случае непрерывных значений и смыслов более уместна, чем теоретико-множественные модели. Если учесть открытие факта несчётности, континуальности человеческого мышления в результате формально-логических исследований (8) и открытие континуума индуктивных методов (9), то введение непрерывного значения неопределённой возможности следует принять как логически необходимую предпосылку творческого мышления.

Творческие проблемы, для решения которых не может существовать алгоритмов, формулируемы в логике только начиная с введения в неё такого третьего значения, как «возможно». Именно в несчётной логике появляется возможность такого нарушения любого её правила, которое оказывается правомернее самого правила. Континуальная логика мышления позволяет утверждать правила в результате их нарушений на неожиданной для них глубине как один из частных случаев творческого стиля.

Так как замысел диалектического противоречия состоит в том, что нечто может быть причиной саморазвития, то проблему противоречия следует выразить в форме его же самого.

Отчётливая формулировка проблемы диалектического противоречия с использованием антиномичности имеется в одной из ранних работ Г.С.Батищева (10). Диалектическое противоречие истолковывается как неразрешённое столкновение противоположностей вместе с одновременным их синтезом (разрешением). Но даже при таком взвешенном подходе противоречие предстаёт всё ещё как слишком внешний посредник в самом отношении между противоположностями, и если последним уделяют излишнее внимание, то характеристикам самого отношения между ними почти никакого: отношение между противоположностями чаще всего сводят к двумерной схеме единства (конкретного тождества) и борьбы (диалектического взаимоотрицания). И суть затруднений заключена здесь не в числе противоположностей (двулярность – многополярность), а в самом двумерном отношении между ними.

Что толку увеличивать число участников (число полюсов сил), если оставить всё тот же двумерный характер отношения между ними, сведя всё к внутренней склоке «единства и борьбы» или, что ещё хуже, к бездейственному, внутренне однородному единству? Но переходя к новой гипотезе о противоречии, необходимо сформулировать проблему, неразрешимость которой обосновывается в пределах традиционных истолкований: при этом подходе право на новую гипотезу оказывается укоренённой в самой диалектической традиции, но преодолевает превратную видимость её универсальности.

В апории «Стрела» элеат Зенон показал первый пример негативной формы диалектики, отвечая на вопрос о том, чем летящая стрела отличается от покоящейся. Ведь к сути движения не прийти путём утверждения, что движущееся в один момент времени занимает одно место, а в следующий момент – другое (сумма состояний отсутствия движения не приведёт в итоге к самому движению). Кажется, выход заключён в признании того, что движущееся тело не только находится в определённом месте, но и начинает переставать находиться в нём, утрачивая ту степень определённости своего местоположения, которую оно имеет, если покоится.

Смысл частицы отрицания в этом отношении (движущееся тело находится и одновременно не находится в данном месте) иной, чем просто уничтожение, так как невозможно отношение того, что есть, к его же одновременному отсутствию. Но даже если принять эту частичную потерю определённости в движении как неабсурдный самоконфликт движения, то всё равно возникновения чего-то нового на этом пути невозможно. Двумерное противоречие движения разрешается тем, что тело переходит в другое место, но воспроизводится в той же неизменной форме. Способность к простому перемещению в пространстве остаётся неизменной без вмешательства определённой по качествам физической формы движения материи, обладающей внутренним источником саморазвития, который вряд ли может быть сведён к двумерной схеме «утверждения и отрицания».

Та же самая апорийность была использована в 4-й главе 1-го тома «Капитала» при формулировке проблемы источника прибавочной стоимости, когда Маркс отмечал, что капитал «должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении». Но является ли такая формулировка проблемы надёжным теоретическим критерием в поиске именно такого товара, само потребление которого непосредственно является производством? В каком товаре происходит конкретное взаимопревращение друг в друга производства и потребления? Какой товар является источником новой стоимости?

Казалось бы на эту роль может претендовать только «рабочая сила», но ведь способность к «целесообразной затрате энергии человеческого тела» не является врождённой для человеческого тела. Так что, на эту роль производительного товара с большим успехом может претендовать знание.

Однако и знание не может быть своим собственным источником и «движущей силой саморазвития», поскольку таковым может являться только творческая деятельность, впервые открывающая это знание и создающая упорядоченность работы по воспроизведению однажды впервые полученного результата. И если репродуктивная, нетворческая деятельность (работа) допускает лишь количество рабочего времени как свою главную и единственную меру, то творческая деятельность в качестве главной меры предполагает индивидуальную неповторимость самого деятеля и её принципиальную несоизмеримость с каким-либо видом нетворческой работы.

Нетворческая деятельность допускает двумерную (свойственную количественной определённости) формулировку своего противоречия, но не является причиной своего развития. А творческая практика, являющаяся причиной своего прогресса и производящая новое знание в самом процессе потребления накопленного знания, исключает двумерное истолкование порождающего отношения человеческой сущности к себе самой.

Однако простое указание на неопределённую «многость» сущностных неотъемлемых мер порождающего отношения между противоположностями недостаточно и немногим лучше, чем его плоское, двумерное истолкование. Очевидно, что традиционные две противоположности вовсе не исключают «многомерности» самого отношения между собой. Так что на этом пути не обязательно переписывать историческую традицию диалектики, выдумывая при этом совершенно новую терминологию. Достаточно будет истолковать и сделать явным то, что позволяет

диалектическому противоречию (метафорическому «единству и борьбе противоположностей») быть причиной возникновения свои новых форм в развитии.

Имеется лингвистическое свидетельство о том, что при наличии семи типов «тропов смысла», как элементарных приёмов переосмысления привычного значения слов, возникает явление бесконечно выразительных возможностей языка (11). Эта особенность языка позволяет ему не только содержать в себе всю иерархию коммуникативно-смысловых единиц, но и предоставлять все средства преодоления своей иерархии без утраты собственной органично несубординационной упорядоченности.

Данный факт индуктивно наводит на догадку о том, что имманентное исходное многообразие собственных определённости порождающего отношения должна быть изложена как «гебдомада», седмичный оксюморон.

Для изменения подхода к диалектическому противоречию будем вносить минимальные изменения в сложившиеся в отечественной «диалектической логике» термины (12), введённые ещё Гегелем (13). При этом постараемся не ломать их привычное, жёстко терминологическое значение, но преобразовывать такую его самую неопределённую и неравновесную часть, как смысл.

Поскольку речь идёт не только о познавательной ситуации открытия новых знаний, но о самой бытийной ситуации, в которой новые события (включая, в том числе, и открытие знаний об этих событиях) просто не могут не появляться, то необходимо с самого начала сформулировать неизбежную апорию становления причины необходимого возникновения нового.

Так как причина возникновения нового и саморазвития может действовать только тогда, когда дано одновременно и цельно минимальное многообразие её собственных определённости, то эта «движущая причина саморазвития» никак не может быть причиной перехода одной своей имманентной определённости в иную одновременную и тоже изначальную определённую. Не может быть также и речи о какой-либо заранее раз и навсегда данной системе рефлексивных определённости сущности прежде прохождения их чисто случайного становления до возникновения 6–7 независимого случайного события, когда независимые до этого друг от друга разные случайные события самоорганизуются в исходную неравновесную упорядоченность, устойчиво воспроизводящую себя в изменчивой и множасьейся форме.

Исходная случайная рефлексивная определённая обращена на себя как случайная же возможность иного. Непосредственно отдельная рефлексивная определённая есть полностью доведённая до крайности неустойчивая, единственносторонняя, чисто случайная возможность, которая не является результатом действия причинно-следственного закона или «закона единства и борьбы противоположностей». И для обозначения этой неизбежной ситуации возникновения изменяющего себя самопричинения нам понадобится не феноменологическая «самонаправленность на иное», а гегелевский «принцип отрицательности».

Самоотрицательность является усиливающей себя неравновесной случайной изменчивостью. Она отличается от традиционного диалектического самоотрицания тем, что если последнее является интегральным результатом определённого типа развития, когда его возможности уже исчерпаны, то отрицательность действует как незатухающие колебания в любой сколь угодно малой окрестности случающегося.

Следует сформулировать проблему неопределённой возможности возникновения нового с позиции лишь этой единственной стороны, не только сворачивая смысловую линию «диалектического взаимоотрицания» в круг этого «само», но и перекручивая её так, чтобы отклониться не только от её привычного значения «самоотрицания», но и от самих, уже ставших тривиальными, многополярных отклонений от неё (последовательное изложение концепции многополярности имеется в монографии В.В.Ленского и А.Г. Кочнева (14). Топологический фигурный синтез единичных интуиций приводит к образу спиралевидного замкнутого единственного ребра «браслета омбилики Зимана» – трёхгранного бруска, свёрнутого в кольцо и при этом перекрученного вдоль своей оси на 120 градусов.

Адекватной формулировкой проблемы отрицательности, сделанной в форме её же самой, является не антиномия как столкновение двух равноправных противоположных утверждений (с одной стороны – с другой стороны) и даже не самообращённое отрицательно-повествовательное высказывание, а самообращённый вопрос, берущий под сомнение непреодолимость своей неопределённости.

Можно найти промежуточный вариант между неопределённой смысловой бездной обращённого на собственную возможность вопроса и категоричной конфликтностью антиномии. С одной стороны, самоотрицательность не способна, случившись хоть раз, исчезнуть без следа и просто не может не быть неразрешимым самопротивоборством, а со стороны не другой, но этой же, отрицательность изначально включает в себя неравновесную возможность нетривиальной непротиворечивости, случайно не сохраняя себя как отрицательность из-за своей первоначальной неподчинённости причинно-следственному закону.

Самопроизвольный распад предоставленной только себе самой отрицательности на шесть остальных разных случаев – её единственное беспричинное действие, кроме собственных безостановочных автоколебаний.

Отрицательность обращена в себя как дополнительность между (пока ещё) неопределённо многими случайными различиями. Дополнительность – возможность каждый раз определяться чем-то существенно внешним себе. Отрицательность и дополнительность не могут образовывать полярную уравновешенность по схеме «положительное-отрицательное», потому что сами являются неустойчивыми случайностями, обращенными в себя как иные случаи. Так что, удвоенные рефлексивные определения (вроде «отрицания отрицания») невозможны вовсе не потому, что меняется иерархический тип самоупорядочивающегося процесса.

Дополнительность несамоприменима и состоит в активном предоставлении ею же самой возможности всему иному доопределять её. Предметно устойчивые «противоположные стороны» входят в состав порождающего отношения не сами по себе, а только своей дополнительностью друг другу. В связи с этим появляется возможность несубординационной, многосторонней и всюду проникающей антиномичности, исключающей своё разложение на двумерно-двухполюсную попарную противопоставленность.

Дополнительность, будучи всегда своей собственной недостаточей, сама нуждается в том, чтобы быть дополненной другой, «ортогональной» ей и отрицательности, рефлексивной определённой. Дополнительность между внешними даже самим себе неопределёнными многообразиями – это случайный переход от внешней формы их

извечных бытийных предпосылок к воспроизведению этих предпосылок в качестве временных изменчивых результатов. Обращённость дополнительности на себя раскрывается как снятие.

Снятие не только не лишает самостоятельного случая свои внешние предпосылки, но наоборот, помогает своим единичным предпосылкам преодолевать те ограничения, которые, после самораспада отрицательности, накладывает на них внешний, беспорядочный характер их предсистемного взаимодействия, выравнивавшего существенное многообразие в его безразличное единство.

В снятии своей внешне предпосылочной ограниченности каждая случайность приобретает самостоятельность, доходящую до возможности полного разрыва с другими так, что неповторимые случайности сами каждый раз полагают свою органичную связь друг с другом и форму своего объединения.

Разрыв взаимосвязей оказывается условием их хаотического восстановления, но их восстановление вновь даёт возможность каждой неповторимой случайности доходить до полной самостоятельности и разрыва со всем иным. В циклическом кризисе активное полагание единичными моментами их собственной органичной системы связей само оказывается уже заранее предположением этой системой.

Рефлексивно отражённая в свою бесконечную видимость органичная система кажется безвыходным кружением по кризисному циклу ею предопределённых неповторимых моментов, и это было бы действительно так, если бы само предположение не оборачивалось существенной внеположностью друг другу и всему целому конкретно неповторимых индивидуальностей. Всеобщность системного целого оказывается самообращённостью каждой конкретно-единичной неповторимости, которая активно отстраняет себя от своего же всепроникающего взаимодействия с другими.

Органичная система сама низводит себя до положения второстепенной стороны каждого неповторимого события, включая в процесс воспроизведения всех необходимых предпосылок своего возникновения неорганичную и беспричинную возможность отклонения от собственного закона сохранения. Каждая индивидуальность неповторимо содержит в себе все определения органичного целого, но своей активной случайной изменчивостью выходит за сущностные пределы любого ставшего целого.

Сущностная несводимость индивидуальностей друг к другу и всему системному целому образует необходимость развития самой причины развития, которая только что изложена в виде седмичной гиперкомплексной системы рефлексивных определённостей порождающего диалектического отношения сущности к себе самой: самоотрицательность, дополнительность, снятие, полагание, предположение, внеположность и наконец, неразрешимость каждой индивидуальности относительно любой системы взаимодействий с другими. Момент индивидуальной неразрешимости делает структуру диалектического противоречия открытой для собственной изменчивости, но в то же время чётко очерчивает онтологический феномен догадки.

С этого момента становится возможным более артикулированное, аналитичное понимание ретродукции как многообразия динамически стабильных упорядоченностей, возникающих в неравновесном, творческом и непрерывно возобновляющем себя процессе.

Феноменологическая автореференция догадки о том, как вообще возможна она же сама, обнаруживает следующие точки динамической стабильности мышления:

1) эвристический вопрос, традиции которого укоренены в сократовских диалогах Платона, критической философии Канта, феноменологической философии Гуссерля и Хайдеггера, децентрирующем поиске последнего предела возможности вопрошания Деррида, «логике диалога логик» В.С.Библера и вопрошательном размышлении М.К.Мамардашвили;

2) категория диалектического противоречия, с наибольшей полнотой разработанная в качестве метода восхождения от абстрактного к конкретному Гегелем, Марксом и советской «диалектической логикой»;

3) разрешение противоречия в виде нового синтеза его имманентных моментов, примером чего может являться теория решения изобретательских задач Г.С.Альтшуллера (15);

4) любой способ постановки и решения задач обнаружит на своих пределах неразрешимую проблему, которую ещё можно поставить, но неразрешимость которой в его пределах обосновывается его же собственными средствами. В философии имеется целая традиция культуры обоснования неразрешимости, наиболее явно проявившая себя в кантовских вопросах, которые разум ещё в состоянии поставить на пределах своих возможностей, но уже не может решить (вопрос о личном бессмертии, бесконечности окружающего бытия и авторе бытия). Отчасти это нашло своё отражение в двух широко известных теоремах К.Гёделя относительно систем, допускающих своё консервативное расширение (но у нас здесь не может быть корректной аналогии с этими узкоспециализированными утверждениями, которые имеют силу лишь для строгих формализованных систем 1-го вида).

Для нашего размышления о ретродукции вполне достаточно правдоподобного предположения о том, что нечто может являться неразрешимой проблемой в пределах какой-либо конкретной темы с последующей проверкой и корректировкой.

Определимся с темой и испытаем этот эвристический метод теперь уже не только на нём же самом. В качестве примера возьмём область человеческого бытийного самоопределения: «Феномен человека»

1) Почему в Природе просто не может не возникнуть нечто новое?

2) Эволюционное усложнение индивидуальной организации в природе происходит на основе случайной наследственной изменчивости, но чем сложнее индивидуальная организация, тем больше вероятность её разрушения из-за собственной случайной наследственной изменчивости. В итоге сложный результат эволюции должен прийти в конфликт с собственным эволюционным основанием до такой степени обострённости, что уже не может быть разрешён в природных пределах.

Автор вынужден здесь воспользоваться кратким изложением одного фрагмента своей давней работы по этому поводу, чтобы не создать превратной видимости того, что риторический механизм догадки касается только языка и якобы не имеет отношения к познанию окружающего мира (16). Для нас будет важно эволюционное состояние живой природы накануне возникновения человеческого тела, как факта, который, с одной стороны, является результатом природной эволюции, а с другой, откровенно показывает невозможность себя внутри природы.

Врождённые рефлексы высших животных, исчерпав свои эволюционные возможности, приводят к необходимости возникновения такого поведения, которое было бы не реализацией врождённой информации, но активно приобреталось и перестраивалось в ходе ситуативных и не предугадываемых никакой программой изменений.

Условный рефлекс, казалось бы, может сам по себе претендовать на эту роль жизненного опыта. Но ведь всё эволюционно значимое должно передаваться потомству только через наследственную программу. Условный рефлекс должен передаваться по наследству одновременно и в генотипе, и вне его. Такой формой наследования, которая удовлетворяет этим двум противоположным требованиям дальнейшей эволюции, является инстинкт подражания.

С одной стороны, инстинкт подражания полностью закодирован во врождённой программе, а с другой, он самонаправлен на то, что прямо противоположно ему – при жизни приобретённое условнорефлекторное поведение, не закодированное ни в одной из врождённых программ.

Как и всякий инстинкт, подражание «слепое» и не содержит в себе критерий вреда или пользы подражаемому поведению, так что один поведенческий «урод» через «эпидемию» подражания может всё стадо привести к катастрофе полного вымирания.

Эволюционная логика живого приводит к естественному противовесу в виде врождённой способности сигнально пресечь у сородичей поведение, отклоняющееся от стадного стереотипа, и в то же время врождённой готовности повиноваться этому сигнальному запрету. Но поскольку речь идёт о доразумной жизни, то инстинкт интердикции должен привести к состоянию эволюционного застоя.

Выходом из этого эволюционного застоя явилось возникновение суггестии – врождённой способности сигнально навязывать окружающим определённый тип поведения, который лишь опосредованно приводит к большому биологическому эффекту и связан с жёстким предварительным пресечением всех биологически непосредственных форм поведения (17). На этом пути возникает предметно-манипулирующее отношение к среде.

Предметно-манипулирующее отношение к среде даёт преимущества в том смысле, что живые существа непосредственно зависят теперь не столько от самой среды, сколько от своего отношения друг к другу и самому процессу предметного манипулирования. Однако тот же самый инстинкт суггестии закономерно приводит к катастрофе биологического вымирания наиболее совершенные виды животных, поскольку через суггестию может быть неодолимо навязан губительный тип поведения всем остальным сородичам.

В этом явлении мы встретились с таким обострением природного противоречия, что разрешиться оно может только за всеми естественными границами.

3) Вполне закономерен следующий эволюционный шаг – блокировать в одном из видов живых существ ту часть врождённой программы, которая упорядочивает поведение, в чём и состояла суть антропогенеза.

В случае информационного «обнуления» своего поведения живое тело будет вынуждено совместно с другими себе подобными само создавать искусственную программу поведения и вести активный поиск информации. Человек вынужден сам совместно с другими создавать и кодировать в языке программы поведения и действия,

которые до их создания человеком не могут быть закодированными естественным способом ни в одном из тел, поэтому в развитии программы своей деятельности человек не может столкнуться с каким-либо непреодолимым верхним пределом сложности. В деятельности человека материя впервые может преодолевать верхний предел природной информационной сложности.

Неврождённую способность создавать программу своей деятельности в соответствии с самим преобразуемым предметом назовём мышлением, саму искусственную программу деятельности – текстом, способ её кодирования – языком, преобразование природы таким способом, каким она себя преобразовывать не может – трудом, а несовершенное, от рождения беспомощное, существо, обладающее бытийной возможностью становиться свободной причиной себя самого, окликнем самозванным словом «человек». Этот именуемый список можно было бы продолжать далее, добиваясь увеличения степени его «феноменологической прозрачности», но останавливает понимание того, что необходимая для мышления очевидность не может быть абсолютной и не подверженной сомнению.

В самом деле, каким образом люди, у которых от рождения нет ни одной врожденной способности, смогли в самом начале своей истории создать первую программу целесообразной деятельности? Перейдём не к решению этой загадочности феномена человека, а к усиливающему её раскрытию.

4) Если с информационным «обнулением» врождённой программы поведения человеческого тела в результате предшествующей эволюции природы всё в целом более или менее ясно, то непонятным остаётся сам человек в той мере, в какой он не может быть отождествлён с собственным телом.

Возникнуть через собственное усилие над собой человек не может, поскольку для свершения этого усилия над собой человек уже должен быть. А человеческое тело (и вся природа) не может породить самого человека своими естественными причинно-следственными механизмами.

Мы движемся по кругу уже сбывшейся свободной догадки как причины себя самой и как самозаконного действия, проще и труднее которого в человеческом мире уже ничего не может быть. Свобода исключает возможность не только собственного объяснения (она – причина себя и внешней причины не имеет), но и самого понимания (свобода предшествует пониманию как условие самой его возможности и условие возможности порождения смысла), имея своей начальной точкой не поддающийся сомнению запрет убивать (в виде совести), а конечной – сознание, существующее как автореферентное событие и феноменологический факт.

В этом смысле единственно соразмерным свободной догадке отношением к ней будет не объяснение и понимание, а удивление, с которого начинается не только философия, но и само явление догадки. «Тайна человека» является косвенным указанием на проблему, которую невозможно не только решить, но даже и непосредственно поставить ни в виде вопроса, ни в форме противоречия (несмотря на то, что она есть, как самопротивоборство бытия, наиболее остро и очевидно).

References:

1. *Pierce CS. Reasoning and logic of things: trans. from English DG. Lakhuti, MD Lakhuti, SO. Kuznetsov. Moscow, Russian State Humanitarian University, 2005; 168-169.*
2. *Pierce CS. Started to pragmatism, T.1: trans. from English VV. Koryushenko, MV. Kolopotinoy. Petersburg, Aletheia, 2000; 302.*
3. *Heidegger M. Being and Time: trans. from German VV. Bibihina. Kharkov, Folio, 2003; 20-31, 174-194. Heidegger M. Lectures on metaphysics: 2nd ed., trans. from German S. Zhigalkin. Moscow, Languages Slavic culture, 2014; 138-139.*
4. *Derrida J. Letter and the difference: trans. from French DYu. Kralechkina. Moscow, Academic. Draft, 2000; 125, 268.*
5. *Belknap T, Steele T. The logic of questions and answers: trans. from English GE. Kreydlin. Moscow, Progress, 1981; 23.*
6. *Poston T, Stewart I. Catastrophe theory and its applications: trans. from English AV. Chernavskij. Moscow, Mir, 1980; 50-53.*
7. *Kant I. Critique of Pure Reason: trans. from German N. Losskij. Moscow, Thought, 1994; 109-113 (Ch.2, Otd.1, Book 1, Chapt.2, Section 2, §24).*
8. *Karpenko AS. Logic Millennium: Logical Investigations. Moscow, Nauka, 2000, Iss.7; 17.*
9. *Svetlov VA. The history of scientific method. Moscow, Academic. Project; Business Vol., 2008; 315, 386-399.*
10. *Batishchev GS. Controversy as a category of dialectical logic. Moscow, MSU, 1963; 49-50.*
11. *Gasparov ML. On the ancient poetry of the poet. Poetics. Rhetoric. S-Peterburg, Azbuka, 2000; 424-472.*
12. *Turovsky MB. Dialectical logic: reflective system generating some controversy as the interaction. Part 1: Turovsky MB. Philosophical Foundations of Cultural Studies. Moscow, Rosspen, 1997; 279-315. Turovsky MB. The system of dialectical logic. Part 2: Turovsky MB. Background Intelligence. Moscow, Rosspen, 2000; 423-562.*
13. *Hegel G. Science of Logic: In 3 volumes. V.2. Moscow, 1971; 29-69 (Chapt.2).*
14. *Lensky VV, Kochnev AG. Fundamentals of multipolarity. Irkutsk: Irkutsk State University, 1986; 27-38.*
15. *Altshuller GS. Creativity as an Exact Science: The Theory of Inventive Problem Solving. Moscow, Sov. Radio, 1979; 19-72, 122-133, 154-169.*
16. *Grigorjyev AB. Controversy biological form of motion of matter: Philosophical Sciences. Moscow, Higher. sch., 1990, №6; 110-112.*
17. *Porshnev BF. About the beginning of human history. Moscow, 1974; 416-442.*